

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА
КОРНИ ЗЕМЛИ

ВОЛГАРЬ

РАССЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Корни земли

Марина Александрова

Волгарь

«Научная книга»

Александрова М. Г.

Волгарь / М. Г. Александрова — «Научная книга», — (Корни земли)

Клятва, данная отцу на смертном одре – вернуть таинственное Кольцо Странника – приводит Ефима Парфенова в отряд Степана Разина. Перстень будет найден – но принесет ли его кольца счастье его владельцу?

Содержание

Легенда о перстне.	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	29
ГЛАВА 6	32
ГЛАВА 7	34
ГЛАВА 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина АЛЕКСАНДРОВА

ВОЛГАРЬ

Легенда о перстне.

В давние времена в славном городе Константинополе жил некий ювелир. История не сохранила имени его, но известно, что равных этому мастеру не было во всей Византии. Самые прекрасные женщины почитали за честь носить украшения, изготовленные ювелиром, и сам император не раз обращался к нему, заказывая то одну безделушку, то другую.

Деньги рекой текли в карман к ювелиру, и всего у него было в достатке. Не было одного – семьи. Жил мастер затворником, а годы шли и шли, и молодость уходила.

Но однажды в его мастерскую пришла молодая девушка, желавшая заказать себе скромное украшение. Спокойно выслушал мастер ее просьбу, но когда девушка сняла покрывало, чтобы рассмотреть образцы – какое ангельское личико предстало его потрясенному взору! Гостья была прелестна, обворожительна, безупречная гармония сияла во всей ее фигуре, в каждом движении, а голубые глаза искрились, как алмазы, а локоны блестели, как расплавленное золото. Ей нельзя было дать более пятнадцати лет.

Улыбкой неизъяснимой прелести пленила она ювелира, и тот запыхал страстью, как безрассудный юнец. И – о чудо! – она ответила ему столь же пылкими чувствами.

Ничего не зная о своей избраннице, ювелир поспешил со свадьбой, ибо препятствий к ней не было. Только после того, как Господь соединил их навеки, несчастному мастеру раскрылся характер его супруги. Под ангельской оболочкой скрывался дьявольский нрав, но ювелир продолжал любить свою супругу. Он терпел и прощал все ее злобные выходки, решив со смирением нести свой крест и на зло отвечать добром.

Время шло, ювелир проводил дни в трудах и заботах, а его молодая жена, предоставленная самой себе, – в блаженной праздности. Святые обеты были нарушены ею с первого дня брака – не стала она опорой и помощью своему супругу, но ежечасно отравляла ему жизнь.

Лишь одним смогла она порадовать мужа – вестью о своей беременности. Ювелир, будучи уже человеком преклонных лет, не смел и надеяться на такое счастье, потому был сам не свой от радости. Кроме того, полагал он, рождение ребенка смягчит нрав его супруги.

В положенный срок жена разрешилась чудесной девочкой, и семейная жизнь нашего героя стала понемногу входить в спокойное русло. Конечно, жена ювелира не стала образцом добродетели, но присутствие невинного младенца удерживало ее от злобных выходок.

Как-то раз жена попросила ювелира отпустить ее погостить у родителей. Добрый муж, который ни в чем не препятствовал своей супруге, с радостью согласился. С той поры такие поездки вошли в обычай. Каждый год жена уезжала на несколько дней и возвращалась такой довольной, что даже с супругом обращалась почти ласково.

Одно огорчало доброго ювелира – ни разу жена не взяла с собой дочь. Однако она указала ему причины такого поведения – отец ее, говорила она, не может смириться с тем, что на свет появилась девочка, а не мальчик, наследник, и потому не хочет видеть внуку.

Ювелир слепо верил всем словам супруги, и невдомек было ему, что не к родителям ездит его обожаемая супруга. Увы! Она погубила свою бессмертную душу, связавшись с врагом рода человеческого, и каждый год отлучалась из дома, чтобы присутствовать на богопротивных Черных Мессах.

Дочь подросла и стала такой же красивой, как мать, и доброй, как отец. Душа ее была чиста и невинна, как у настоящего ангела, сошедшего с небес на грешную землю.

Всякий раз, когда мать готовилась к отъезду, дочь просила взять ее с собой. И как-то раз она согласилась...

На этот раз поездка затянулась немного дольше, чем обычно. Через месяц к ювелиру вернулась жена и, проливая притворные слезы, сказала ему, что их единственная дочь скончалась у родственников от лихорадки.

Ювелир был безутешен, но ни на минуту не усомнился в правдивости слов жены, только лишь изъявил желание как можно скорее посетить могилу дочери. Жена не сопротивлялась открыто, но каждый раз находила все новые поводы для того, чтобы отложить поездку.

Наконец ювелир заподозрил неладное и, не сказав жене ни слова, уехал к ее родителям один. Каково же было его недоумение, когда он обнаружил, что родители жены скончались несколько лет назад. Сначала он не поверил этому, но сам посетил кладбище и нашел их могилы. Могилы же дочери ему найти так и не удалось.

Вернувшись домой, ювелир не сказал жене ни слова о том, где он был и что обнаружил. Та, испугавшаяся сначала, постепенно успокоилась и пришла к выводу, что ее супруг ездил по каким-то своим делам.

Но с того дня ей больше не удавалось обмануть бдительность мужа. Куда бы она ни шла, что бы не делала, за ней следили его глаза. Когда же она в очередной раз собралась погостить у родителей, ювелир сказался больным и не поехал с ней. Жена с легким сердцем уехала, а он тайно последовал за ней, стремясь докопаться до разгадки зловещей тайны.

Как тень следовал он за вероломной женой и увидел тот адский притон, где служили мессу, увидел окровавленный алтарь и волосы зашевелились у него на голове – он понял, что дочь его была принесена в жертву Сатане.

Но в этот раз нечистые не получили своей добычи. Черная месса была прервана в самом разгаре – ювелир собрал многих вооруженных людей и священников. Все участники дьявольской секты были преданы пытке и смерти, а жена ювелира была признана одержимой дьяволом.

В уединенном монастыре был произведен обряд экзорцизма. Несколько суток подряд над одержимой читались молитвы, пока дьявол не покинул ее тело. Несчастная успела покаяться и причаститься, после чего с миром скончалась.

Отпускать демона бродить по земле было бы весьма неосмотрительно, но погубить его было невозможно. Потому монахи решили заточить демона, чтобы не мог он навредить людям. Для этого ювелир изготовил кольцо – простой серебряный перстень с черным опалом. В него-то стараниями монахов и был загнан демон.

Но могущество духа тьмы было столь велико, что и из недр камня мог он строить свои козни. Монахи, опасаясь грядущих бед, наложили на него несколько заклятий и отчасти уменьшили его силу.

Результат был таков: демон, заключенный в перстне, будет помогать своему хозяину (а именно ювелиру, всем его родственникам и потомкам), пока хозяин его не совершит три преступления. После этого чары заклатья рухнет, и демон волен будет расправиться с владельцем перстня, и ничто не сможет ему помешать.

Для того чтобы попасть под губительную власть демона, хозяину достаточно было совершить следующие преступления: стать виновником смерти женщины, содеять грех лжесвидетельствования и заставить голодать ребенка.

Монахи не думали, что перстень еще когда-нибудь окажется в руках кого-нибудь из мирских людей, ибо мастер, потеряв свою семью, остался в монастыре и в скором времени постригся в монахи. Кольцо он всегда носил на среднем пальце правой руки, как вечное напоминание о собственной неосмотрительности и проистекшем от нее несчастье. Он завещал похоронить зловещее кольцо вместе с ним, тем самым навсегда избавив людей от напасти, но судьба распорядилась иначе.

Ювелир и в монастыре не оставил своего ремесла. Вскоре при его участии монастырь разбогател и процвел, а самого монаха-мастера стали приглашать в другие обители с тем, чтобы он украсил их плодами своего труда.

Однажды мастер отправился по своим делам в соседний монастырь. По пути на него напали разбойники. Ювелира убили, сняли с шеи золотой крест, а с пальца дешевое серебряное кольцо с черным опалом. С тех пор проклятый камень начал странствовать по свету, принося добродетельным людям удачу, а грешным – горе и смерть.

ГЛАВА 1

Казачонок Ефимка вприпрыжку несясь домой. Босые пятки весело отстукивали по тропинке, которая, извиваясь по кособогу, спускалась к воротам в крепостной стене.

Хорош был город Царицын, государева волжская крепость. Окруженный высокой стеной с сотней пушек, со всеми своими храмами и церквями, с богатыми купеческими да дворянскими дворами привольно раскинулся город на берегу великой реки.

Мальчик нес плетеную клетку, где сидел наконец-то пойманный для старшей сестры Дашеньки щегол. Ефим любил Дарью, и когда милый ее сердцу казак Григорий отправился в поход вместе с их батькой Харитоном Парфеновым, парнишка пообещал плачущей сестре поймать певчую птичку. Он посулил бы ей и луну с неба, лишь бы любимая сестра не кручинилась.

У ворот Ефим замедлил шаг, одернул рубаху и, приосанившись, степенно пошел по городу. По зиме казачонку минуло четырнадцать, и он изо всех сил старался казаться взрослым. В мечтах Ефим плыл на головном струге в дальний поход, возвращался с богатой добычей и щедро оделял голутвенных казаков, что смело пошли за ним, своим атаманом Ефимом Харитоновичем Парфеновым...

Задумавшись, хлопчик ничего не видел перед собой и, сворачивая на небольшую улочку, ведущую к родной хате, налетел на дородного казака, что понуро шел краем дороги.

– Дядько Павло! – вскричал Ефим, узнав своего крестного, – Как же это вы вернулись так скоро? А батька, должно, дома уже? А я вот птичку...

Осекшись, казачонок пытался поймать взгляд крестного, но тот старательно прятал глаза и лишь желваки ходили по скулам.

– Ты, Ефимушка, вот что... Ты домой теперь поспешай... Худо хлопчик, ой, худо... – и, отстранив крестника, дядько Павло почти побежал прочь.

С захолонувшим сердцем Ефим помчался домой. А на завалинке чужой хаты осталась забытая клетка с щебечущей птицей...

Хозяйство у Парфеновых было крепкое: добротный рубленый пятистенник, широкое подворье, по которому бродила сытая ухоженная животиная, огород, полоть который матушка Евдокия Степановна бывало хворостиной загоняла непоседливого Ефимку.

Сам Харитон Парфенов хозяином был рачительным: то, что доставалось удачливому казаку в походах, не оседало в царицынских кабаках, а копилось и приумножалось. Давно уж было сготовлено приданное старшей Дарье, коей минуло девятнадцать зим, и по осени ждала она сватов.

Да и супружницей не обидел Бог Харитона: сирота Евдоха, что во все глаза глядела на вернувшегося двадцать пять лет назад из первого похода молодого статного казака, стала ему опорой и поддержкой на многие лета.

Крепкой рукой вела Евдокия Степановна хозяйство во время мужниных долгих отлучек, не давала спуску ни нерадивым работникам, ни собственным детям. Проказливому Ефимке частенько приходилось скидывать порты и долго поминать тяжелую матушкину руку.

Всякое бабье уменье знавала Евдокия: и грибов насолить на зиму, и рубаху мужу сладить, и с торговым гостем беседу вела так, что тому сразу было ясно – с этой бабы лишнюю полушку не выжмешь!

Соседки уважали Харитонову женку: приветлива, богобоязненна, ни в помощи, ни в добром слове никому не откажет, себя строго блюла и деток растила справных.

Да и Даша Парфенова, старшая дочь Харитона и Евдокии, считалась завидной невестой: девка из себя была видная, статная, нраву кроткого и не голь перекатная – поговаривали, что отец ее изрядно золотишка за дочерью даст. Сам стрелецкий сотник Никифор Васильев,

не последний человек в Царицыне, заглядывался на пригожую серооую Дашеньку. Смушала девица сердце немолодого стрелца, не раз побывавшего в бою за царя и отечество, робел и терялся седой вояка, но мыслей о ней не оставлял.

А сама Дарья чуралась сотника, страшил девушку страстный его взгляд и шрам, уродовавший и без того угрюмое лицо Никифора. Девичье сердечко давно полонил бесшабашный удалец Григорий, с кем росли в соседях, бегали взапуски, прыгали через костер на Ивана Купалу и катались на саях на Святки.

Гадала на него под Крещение девица, вышел он ей суженым, а сам Григорий не мнил своей жизни без Дашуты, как называл он свою милую. Часто за полночь оканчивались их встречи, и до рассвета не смыкала глаз Даша, мечтая о милом, а на закате следующего дня вновь норовила улизнуть из дому, не страшась матушки, что нещадно таскала ее за косу и запирала в чулан, приговаривая: «Не гуляла бы ты коровища, а то рано отелишься!»

Но сероокая красавица Дарья с пушистой косой цвета спелой пшеницы не горилась из-за матушкиного недовольства, а лишь напевала тихонько, сидя в чулане. Коли поселилась любовь в девичьем сердечке, то разве саму девицу удержишь!

Мать знала, что Григорий не станет чинить Даше греха, и дочь не позволит содеять с собой худого, но сама сирота, Евдокия строго блюла честь мужнина рода. «Скорей бы уж обженились, ироды, – думала женщина, сидя с веретеном, – глядишь, я еще с внуками потетешкаюсь, покуда не старая».

По осени обещал Григорий заслать сватов, а к Покрову должны были сладить свадьбу. Харитон, усмехаясь в седой ус, давно дал свое благословение молодому казаку: давняя дружба соединяла две казачьих семьи. Но гордость не позволяла Григорию свататься, не принеся семье невесты добытых своей рукой подарков и не обрета воинской казачьей славы.

Потому-то, как только Волга-матушка сбросила ледяные оковы, отправился горячий казак в поход за зипунами. Ушел с ним и Харитон Парфенов, чтобы растряссти старые кости и посмотреть, каков из себя герой будет Григорий.

Ждали казаков к середине лета; сидя вечерами рядом с матушкой за рукодельем, Даша напевала негромко печальные песни и вышивала себе свадебный наряд, а Григорию готовила к возвращению узорчатый кушак в подарок.

Прошло только три недели, как проводили казацкие струги, никто не чаял скорого возвращения, не предвещало беду ласковое весеннее солнышко, и Волга была спокойна.

Даже обычно вещее бабье сердце молчало у Евдокии, не пророчило лихой беды. А беда-то уж у ворот стояла.

Когда босоногие соседские хлопчики с криком: «Тетка Евдокия, тетка Евдокия, вашего дядьку Харитона казаки несут!» – ворвались в ворота Парфеновского подворья, ни Дарья, ни ее мать не могли ничего понять. Бросив полоть огород, женщины устремились к пацанятам:

– Кого несут, куда несут? Да не гомоните вы всем скопом, путем сказывайте!

– Ну наши ж казаки возвратились, вашего дядьку Харитона домой несут, ранетый он дюже! – протараторил самый бойкий парнишка.

Сердце захолонуло у Евдокии, она – ни жива ни мертва – сжала руки на груди и расширенными от ужаса глазами смотрела на ворота. Туда медленно входили мужики, неся на дерюжных носилках ее мужа.

Выглядел Харитон страшно: голова обмотана заскорузлой от крови тряпкой, окладистая, некогда ухоженная борода, свалилась в колтун, изодранное платье заляпано грязно-бурыми пятнами, а правой руки не было по локоть...

Евдокия закусила губу, стараясь подавить готовый вырваться скорбный бабий вой, и чужим, каким-то мертвым голосом сказала:

– В избу несите его, мужики, в горницу, под иконы.

Бледная, как полотно, Дарья не могла сдвинуться с места. Ее словно засасывало в ледяной омут, – мысли метались между израненным отцом и Григорием: почему он не здесь, почему не несет ее отца вместе с другими казаками?

Меж тем мужики устроили Харитона в горнице и, понутив головы, медленно потянулись к выходу.

– Что ж содеялось-то, казаченьки? Чем вы Бога прогневили? – вослед им тихонько обронила Евдокия, присевшая подле мужа.

– Про то тебе Павло поведает, кум твой. А ты б за батюшкой послала, плох Харитон-то... – не поднимая глаз на несчастную бабу, проговорил один из казаков.

– Ты пошто мужика моего раньше времени хоронишь, ирод! – вскинулась Евдокия, – Я его на ноги поставлю, он еще тебя переживет!

Говорила, а сама, глядя на запавшее лицо Харитона, уже знала, что близка, близка смертная разлука. Только глупое бабье сердце не хотело верить, никак не хотело и ныло, ныло мучительно и страшно...

... Собрав в кулак все силы, Евдокия хлопотала над бесчувственным супругом. Кликнула дочь:

– Дашка, что стоишь, аки столб, – быстро за лекарем! да встретишь этого охламона Ефимку – чтоб шementом дома был!

Так несчастная женщина пыталась справиться с обрушившимся на нее горем, чтоб не дать ему взять полную силу над собой. Она понимала, что сейчас не время рыдать, нужно делать все, чтобы спасти кормильца и хозяина.

Даша очнулась от матушкиного окрика и опрометью кинулась к казарме стрельцов, где жил лекарь Акинфей Давыдов.

Влетев на казарменный двор, девушка растерялась: она не знала, к кому ей обратиться, чтоб скорее найти лекаря. Мысли ее путались, губы дрожали, она готова была вот-вот расплакаться.

Сотник Никифор уже знал о горе, постигшем казачьи семьи, и, увидев растеряно озирающую испуганную Дашу, поспешил к ней.

– Что тебе здесь надобно, Дашенька? – как можно мягче спросил Никифор.

– Ллекаря... Ббатюшка ранен... – запинаясь, выдавила девушка. – А где его найти, не знаю... – и Даша залилась слезами.

– Ну-ну, полно, девонька! Сейчас покличем Акинфея, он враз твоего батю выправит. Не может быть, чтоб такой казак, как Харитон Парфенов, не поднялся! Ты, ежели что, завсегда обращайся, я тебе всяко помогу, только кликни, ласточка...

Даша испуганно вскинула глаза на стрельца – в его глубоко посаженных глазах снова разгорался огонь, а голос становился хриплым.

– Не надо, Никифор Игнатьич, вы лекаря покличьте... батюшка... – и девушка снова заплакала.

Сотник опомнился и немедля послал проходившего мимо холопа за Акинфеем. Лекарь вскорости появился и, получив наказ справить свою работу со всем старанием, поклонился сотнику и спешно ушел, велев Дарье указывать дорогу.

Никифор смотрел вслед уходящей девушке и думал, что все бы отдал, и самую жизнь свою, только бы не туманили слезы ясные Дарьюшкины очи...

...Когда лекарь вошел в горницу Парфеновской хаты, Евдокия уже успела снять с мужа лохмотья, обмыть его и укрыть чистым рядом. Никто не знает, как далось это несчастной бабе: срезая с Харитона остатки одежды и смывая засохшую грязь и кровь, женщина с ужасом обнаруживала, насколько тяжелы его раны. Отрубленная рука была пустяком по сравнению со всем остальным: у Харитона была пробита из пищали грудь, а тело покрыто запекшимися следами от сабельных ударов.

Акинфей потребовал у баб горячей воды и велел им на время выйти, дабы своими причитаниями не мешали...

Мать с дочерью целый час простояли под дверью, не проронив ни слова, ожидая приговора своему кормильцу. Когда лекарь вышел, две пары молящих женских глаз с надеждой вскинулись на него.

– Ну что, бабоньки, я, что мог, сделал. Оставляю вам настой целебный, поите Харитона всякий раз и молитесь, теперь надежда токмо на Господа Бога осталась, – с этими словами Акинфей, поклонившись в правый угол, вышел.

– Матушка, как же мы теперь-то, а? – дрожащим голосом спросила Даша.

– Молись, доченька, молись! Авось, не оставит нас Господь своей милостью, поправится отец, подымится на ноги. А что без руки, так ничего, лишь бы живой, лишь бы живой, живой... – и Евдокия залилась беззвучными горькими слезами. Потом, тяжело вздохнула, отерла лицо концом платка и твердо обратилась к дочери:

– Ты вот что, девка, слезы утри, не время нам с тобой плакать-то. Ты ступай, ступай, делом займись! Дела, они ждать не станут, да и легче так-то за делом... Я с отцом пока побуду... И где ж Ефимку-то окаянные носят, до свету со двора сбег, а по сию пору глаз не кажет, голодный ведь, ирод, обед уж на дворе! – и, продолжая бессвязно ворчать, женщина скрылась в горнице.

Дарья ополоснула лицо холодной водой, отерлась вышитым рушником и поспешила на подворье. Она занялась привычными хлопотами, но все валилось у нее из рук – сердечко ныло и рвалось: как же Григорий, почему нет его... Только стыд перед матерью удерживал ее от того, чтобы не броситься на соседское подворье с расспросами.

... В ворота заглянул крестный Ефима дядько Павло, который вместе с Харитоном, Григорием и другими казаками уходил в этот несчастливый поход. Опустив голову и не глядя на Дашу, он спросил:

– Где мать-то, девка? Ты покличь ее...

– В избу идите, дядько Павло, там она, в горнице с батькой сидит.

– Ты покличь ее, – упрямо повторил смурной казак. Дарья сбегала в дом, и на пороге появилась суровая Евдокия.

– Что, Павло, стоишь? Заходи, рассказывай. Казаки гуторили, что ты мне все про Харитона моего обскажешь, так не томи душеньку-то!

Казак, понурившись, вошел в избу, сел на лавку, помолчал, собираясь с духом, и начал свой рассказ.

... Казацкие струги шибко бежали по течению Волги, а сами казаки бестревожно веселились: над великой рекой разносилась удалая разбойная песнь. Перешучивались голутвенные, в предвкушении щедрой поживы, опытный головщик Павло, усмехаясь, покручивал сивый ус, нимало не думая об опасности.

Одного не предусмотрел бывалый казак, что беду не ждешь, не кличешь, она сама является. Когда струги вышли на просторы Каспия, внезапно налетели на них пиратские галеры персов.

Раздался грохот пушек, воздух наполнился пороховым дымом и тучей стрел. Затем суда сблизилась, и в ход пошли абордажные крючья и сабли. Басурманы дрались, как окаянные, на каждого казака приходилось не менее трех недругов. Павло и Харитон рубились, прикрывая спину друг друга. Вдруг Павло услышал страшный крик друга и увидев, что тому отрубили правую руку, с бешеной яростью стал теснить наседавших персов.

Казаков спасло лишь то, что загорелись оставленные пиратами в пылу боя галеры, и персам пришлось отступить. Пожар был делом рук Григория, который сумел перебраться на неприятельское судно и поджечь сначала его, а потом горящими стрелами зажег остальные галеры.

Сам Григорий не успел вернуться к своим: Павло видел, как рубили его саблями проклятые персы...

... Страшно закричала Дашенька и лишилась чувств, когда поняла, что не видать ей более Григория, не касаться льняных кудрей и широких плеч милого казачонка. Не обнимут ее его сильные руки, и жарким губам любимого уж не суждено вызвать краску на ее девичьих щеках...

Евдокия захлопотала подле дочери, а дядька Павло, закусив ус, отер шапкой набежавшую слезу и выскочил из избы вон. Тогда-то и столкнулся он с ничего не подозревающим Ефимом, когда шел заливать горяшко в кабак. Не было сил у старого казака пересказывать страшную историю своему крестнику, не смог он более совладать с собой...

... Ефимка влетел в избу и застал там горько рыдавшую в коленях у мамки старшую сестру. По лицу Евдокии тихо струились слезы, а рука нежно гладила простоволосую голову Даши.

– Тихо, тихо, доченька, горе наше горькое, доля наша бабья тяжкая... – утешающе приговаривала мать.

Беспомощным взглядом смотрел Ефимка на горюющих женщин, и невысказанные вопросы комом стояли у него в горле.

Наконец мать увидела сына и протянула к нему руки:

– Ефимушка, сынок, батька-то наш, пораненный весь, а Григорий и на вовсе загинул...

Более несчастная женщина не смогла ничего сказать, долго сдерживаемые слезы душили ее. Ефим подошел к матери и обнял ее.

– Матушка, где батя, что с ним? – наконец смог вымолвить он.

– В горнице лежит под образами. Лекарь был, молиться велел: больно плох батька, в себя не приходит... – ответила, справившись с собой, Евдокия.

До сознания хлопчика после слов матери начало доходить, что в их семью действительно нагрянула страшная беда. С помертвелым лицом он вошел в горницу, где лежал Харитон, и медленно приблизился к отцовскому скорбному ложу.

Видимо, бате после лекарских стараний стало полегче: жар спал, и израненный казак спал. Его сон нельзя было назвать спокойным, несчастный стонал и метался, но все-таки это был сон, а не черный провал беспамятства.

Когда Ефим увидел, что у отца по локоть отрублена правая рука, какая-то тупая заноза зацепила его прямо в сердце, да так там и осталась. Парнишка не придавал значения этому происшествию, так как вид измученного отца доставлял ему настоящую муку. Но неспроста эта заноза случилась с Ефимом, неспроста...

... Много позже, когда ночь вступила в свои права и измученные горем домочадцы прикорнули кто где подле лавки, на которой лежал их кормилец, Харитон проснулся. В изголовье у образа Богородицы теплилась свеча, и в ее неверном свете он разглядел, что находится в родной избе. Казак попытался встать, но острая боль и отсутствие руки не дали ему этого сделать. С громким стоном, разбудившим семью, он рухнул обратно на лавку.

Сквозь туман, застилавший разум, Харитон вспомнил все, что произошло с ним в этом треклятом походе...

Евдокия, Дарья и Ефим собрались возле батьки. Он обвел своих близких мутным взором и, преодолевая себя, заговорил:

– Ну что, вот и конец мне пришел... Не прекословьте, – остановил Харитон готовых заговорить домашних. – Сил у меня мало, чую – близится мой смертный час, успеть надобно... не думал я, что так скоро... редко говорил с вами о чем потребно... да теперь что сетовать... Евдокия, ты была мне верною женою, прости, ежели что не так... Дашутка, и ты прости, не уберег я Григория-то, сложил казаченька свою буйну голову, всех от лютой смерти избавил, а сам... – казак устало прикрыл глаза, но, переведя дух, продолжил:

– Более всех ты меня прости, Ефимушка, сынок... не чуял я скорой гибели, дожить собирался, как ты в возраст войдешь и в полное разумение... а теперь поздно уже... остаешься за старшего, сестру с матерью сбереги, не дай им пропасть... ты ступай поближе, тяжело мне...

Ефим встал на колени подле отцовской лавки и приблизил лицо к самым его губам. Харитон горячо зашептал:

– Руку отрубили, вороги... кольцо помнишь? Простенькое, барыша на грош, а ты найди его Ефимушка, найди... сила в нем немалая, талисман оно нашего рода исконный, удачу приносящий, в бою оберегающий... Знал бы, что так обернется, тебе перед походом отдал бы, а теперь... найди его, сынок, обещай батьке... – и отец из последних сил ухватился здоровой рукой за сына и вперил ему в лицо мутный горячечный взор.

– Наше оно, от деда твоего завещанное... Найди, обещаешь!? – как безумный, выкрикнул Харитон.

– Обещаю батька, вот те Крест Святой, обещаю! – Ефим перекрестился, прямо и твердо глядя батьке в лицо.

– Смотри, в смертный час клятву даешь Божьим именем, – прошептал напоследок Харитон и обессилено затих.

... Три дня еще прожил после достопамятной ночи старый казак; он так и не пришел более в сознание, все метался в тяжелом бреде, все звал сына и поминал перстень, прося найти...

На рассвете четвертого дня Харитона не стало. Царицынский поп отслужил заупокійную службу, казака схоронили на кладбище за городской стеной, отплакали соседские бабы, и жизнь в городе стала входить в обычное русло.

Но семья Парфеновых испытала еще не одно потрясение, помимо утраты хозяина и кормильца. В одну ночь поседела и постарела Евдокия. Крепкая и еще не старая, она ссутулилась и утратила весь природный задор. Не слышно стало ее зычного голоса, и частенько она замирала на полпути, словно напрочь забывала, куда и зачем шла.

Дарьюшка разучилась смеяться, будто и не умела этого вовсе. После двойной потери потух взгляд ее серых глаз и поселилась в них стылая тоска. Девушка ходила, опустив голову, и лишь кивала в ответ на приветствия соседей.

А с Ефимом и вовсе содеялось страшное. В ночь после батькиных похорон привиделся ему странный сон: будто отрубленная отцовская рука с перстнем на безымянном пальце манит его за собой, а камень в перстне разгорается дьявольским светом и лукаво подмигивает... И чудился ему зов, которому противостоять не было никакой мочи, затягивало парнишку в темную, багрово полыхающую бездну...

Ефимка проснулся в холодном поту, испил ледяной водицы, но уснуть более не смог до рассвета: стоило ему смежить веки, как вставало перед ним страшное видение и манило за собой, и тянуло...

На Троицу Ефим сходил со всей семьей в церкву, отстоял заутреню, исповедался в своих невеликих отроческих грехах, получил причастие и очень надеялся, что богомерзкое наваждение оставит его теперь. Но его чаяньям не суждено было сбыться: каждое полнолуние тягостный сон возвращался и мучил мальчика...

Эх, кабы знал заранее покойный Харитон, как изменит сынову жизнь клятва, что дал он батьке, лежащему на смертном одре, то не стал бы и говорить он сыну об окаянном перстне! Но сделанного было уж не воротить, а сам Ефимка упрям был преизрядно.

ГЛАВА 2

Осень подкралась к Царицыну, как рыжий кот к беспечному воробью. Жизнь осиротевшего семейства Парфеновых тащилась, словно унылая кляча по раскисшему тракту, и стали они нелюдими и замкнуты. Да и как им было не стать такими: без твердой руки покойного Харитона дела в семье пошатнулись, и неприумножаемый недостаток стал без пополнения истощаться. А про Дарью злые языки за спиной судачили, что приносит она несчастье: мол, только девка в возраст вошла, а уж и отец помер, и суженый загинул.

Ближе к Покрову заглянул под вечер к Парфеновым стрелецкий сотник. Его истомила тоска по Дарьюшке, и, помолившись, Никифор решил попытать счастье и поговорить о сватовстве с казачьей вдовой.

С той поры, как погиб Григорий, прошло уж достаточно времени, и казалось сотнику, что Дашенька забыла бывшего любимого, а себя считал женихом завидным.

Стрелец думал, что его сватовство обрадует Евдокию, но жестоко ошибся. Едва уразумев из бессвязных слов Никифора, что привело его к ним в хату, вдова взорвалась гневом:

– Побойся Бога, Никифор Степаныч! Не делай сраму нам на весь город, – года ведь еще не прошло, как схоронили Харитона, а ты сватовство учинить задумал! Да и знаешь ведь, что не люб ты Дашеньке, чурается она тебя.

Стрелец слушал отповедь Евдокии и медленно багровел.

– Ну Евдокия, нечего сказать, уважила! Ладно, подождать до весны я б мог – скажи по-людски. А люб не люб, это когда Григорий и Харитон жив были. Теперь тебе лучше меня ей мужика не сыскать! Хозяйство-то у вас скоро прахом пойдет, а Дарью не всякая казачка снохой примет – удачу-то она от Григория отворотила!

Выкрикнув эти слова, сотник осекся. Он понял, что в гневе наговорил лишнего, того, что и не думал вовсе. Но слово сказано, и, сгорая от стыда, стрелец выскочил прочь, не став дожидаться нового всплеска вдовьего негодования.

...Запыхавшийся Ефим догнал Никифора, когда тот уже подходил к дому. Парнишка, придя домой, застал рыдающую Дарью и мать, которая еще не успела остыть после соленых слов сотника. Гордый казачонок, узнав в чем дело и почему плачет его любимая сестра, вознамерился проучить заносчивого стрельца.

– Сотник, ты почто Дарье проходу не даешь? Думаешь, батька помер, так ее и защитить некому? Оставь сестру, не пара она тебе, ты старый уже! – Ефим кричал и не мог остановиться. Его горячее казачье сердце требовало справедливости, требовало, чтобы с ним считались, как со взрослым полноправным казаком.

Никифор не стерпел мальчишеских наскоков Ефима, он сгреб пятерней ворот его рубахи и прошипел парнишке прямо в лицо:

– Уймись, щенок! Мал ты еще цареву сотнику указывать! И попомни меня: все равно я Дарью за себя возьму! Меня ничто не остановит!

С этими словами стрелец отшвырнул от себя Ефима, который больно ударился о тын рядом стоящего дома. Казачонок вскочил и кинулся на Никифора с кулаками, но тот еще раз отбросил парнишку на тын, проговорив:

– Уймись, не ровен час, зашибу ненароком, – и быстро зашагал прочь.

...Размазывая по щекам злые слезы вместе с кровью из разбитого носа, Ефим вернулся на свое подворье и выместил досаду на подвернувшейся под ноги ни в чем неповинной козе Глашке. Бедное животное получило в этот злополучный вечер столько пинков, сколько и не снилось благонравной козе за всю ее недолгую козью жизнь.

С тех пор затаил парнишка зло на стрельца и всяко подговаривал соседских огольцов вредить ненавистному сотнику. Верхом Ефимовой мстительности был подмешанный в кисет с

табаком порох, а оный кисет был подброшен Никифору. Только случай спас сотника от нового шрама на лице. Он уже успел набить свою трубку и начать ее раскуривать, как его спешно позвали к прибывшему из Москвы с высочайшим царевым указом нарочному. Трубка взорвалась сама по себе, наделав много шума и учинив изрядный переполох. Стрельцам примнилось покушение, и они несколько дней рыскали в поисках злоумышленника.

... Зима, пришедшая за слезливой осенью, случилась изрядно суровой. Лютовали метели, и мороз держал людишек по домам. Отощавшие волки подходили ночами к самой городской стене и тоскливо выли.

Даже на Масленицу оттепели не порадовали Царицын. Казалось, весна забыла волжский городок. И поэтому резко наступившее тепло обрадовало казаков. Только древние старики качали седыми головами, чуя новую напасть.

Так и случилось. Половодье этой весной было страшное. Волга, вышедшая из берегов, затопила прибрежную часть города, а начавшийся в ночь ливень, довершил разрушительное действие стихии. Людям казалось, что пришел день гнева Господня и разверзлись хляби земные и небесные. Многие жизни унесла река, и многих оставила без крова.

Не повезло и Парфеновым. Только лишь начали они приходить в себя после смерти Харитона, ан нет, видно, беда одна не приходит! Не устояла их изба перед натиском разбушевавшейся воды, и лишились они всего скота и имущества.

Переждав паводок у приютивших горемычное семейство соседей, Парфеновы вернулись на разоренное стихией подворье. От избы уцелело несколько бревен, да сиротливо торчала полуразвалившаяся печь. Благо, удалось спасти из погреба кое-какие запасы да спрятанные там запасливой Евдокией деньги из Дарьиного приданого.

Новую избу поставить им было теперь не под силу. Отрыли они землянку и, погоревав, принялись обустраиваться, как умели.

... Сотник Никифор подстерег Евдокию у реки, когда она шла стирать с корзиной белья. Он поклонился гордой вдове и завел с ней долгий разговор.

– Евдокия Степановна, прости дурака за прошлый раз. Видно, до седых волос я дожил, а ума не нажил, – уважительно начал стрелец.

– И ты прости мне худые слова, Никифор Игнатич, не держи зла на вздорную бабу, – осторожно ответила ему Евдокия.

– Ты вот что, Евдокия, ты отдай все ж за меня Дарью. Да погоди, не гоношись, дай сказать-то! – сотник не дал раскрыть вдове рот и продолжил:

– Пойми ты, упрямая баба! Я Дарью полюбил, когда она еще босоногой девчонкой бегала. Я б не подошел, если б Григорий не загинал. А теперь что ж... Евдокия, я ж за нее жизнь положу, в шелка-бархаты одену, на руках носить буду, только отдай за меня девку! А так ведь пропадет, выйдет за голь перекатную без приданного-то! И почитай, пропала девка! Ты ж мать, неужто не хочешь дочери сладкой доли, я ведь и вам помогу, не оставлю бедовать одних. А Ефима могу и в стрелы определить – чем парню не судьба?!

Никифор с жаром говорил, говорил и все не мог остановиться. Он хотел по-доброму убедить Евдокию, что сможет сделать Дашу счастливой. А женщина слушала сотника и все более понимала, что прав настырный стрелец, что, авось, действительно стерпится-слубится, что лучше быть дочери женой немилого, чем вековухой жить или идти замуж за нищebroда, другой-то ведь и впрямь не возьмет бесприданницу. Да еще этот шепоток мерзкий, что уж и сама Евдокия слышала у себя за спиной от злоязыких кумушек, что приносит Дарья беду мужикам. Гуляла молва, обрастала досужими домыслами, порочила доброе имя несчастной сиротки...

Когда замолчавший Никифор с надеждой посмотрел на женщину, она, потеплев лицом, сказала ему:

– Приходи к нам, сотник, в прощенный день, тогда и разговоры зачем разговаривать. Может, и договоримся до путного.

... Дома Евдокия, когда заканчивали вечерять, сообщила сыну и дочери о новом сватовстве сотника. Даша сразу залилась слезами, а Ефим кинулся защищать сестру:

– Матушка, побойся Бога! Ведь постылый он Дарье, этот старый Никифор! Не дрожи, не плачь, сестрица-голубушка, я тебя в обиду не дам.

Вдова окинула строгим взглядом расходившееся семейство и спокойным голосом, не обращая более на строптивых детей внимания, сказала:

– Как я сказала, так и будет! Ты, Ефим, молод еще, чтоб мне указывать! А ты, Дарья свет Харитоновна, должна за сотника замуж идти да еще в ножки ему поклониться, – и женщина пересказала детям весь свой разговор с Никифором.

Ефим сделался совершенно пунцовым, глаза парнишки метали молнии:

– Да пусть подавится своими милостями, московский прихвостень! Мне от него ничего не нужно! Чтоб я, потомственный казак, стрелцу сестру за кусок хлеба продал!..

– Молчи, несмышлениш, – Евдокия стукнула по столу кулаком, – дурья твоя башка! Сестру он пожалел! А про мать ты подумал? Легко ли мне на старости лет в землянке свой век доживать? Ты еще в возраст не вошел, да и гонор у тебя не в пример отцу: выгоды своей не чувствуешь! Хочешь семью по миру пустить? И не противоречь матери, а то запру в погребе, чтоб одумался!

Не дослушав мать, Ефим выскочил прочь из землянки и помчался куда глаза глядят. Он бежал по темному городу, и злые слезы душили хлопца. Ему было горько, что его не принимают еще всерьез, что не может он защитить сестру от постылого замужества, не может исполнить последний батюшкин наказ...

Лишь под утро вернулся домой измученный Ефим и ни слова не сказал матери. А когда пожаловал на Прощенный день сотник, сбежал из дому на отцовскую могилу и сидел там до самой ночи, жалуясь батюшке на свою злую долю.

... На Троицу обвенчали в Царицынской церкви стрелецкого сотника Никифора Игнатича Васильева и Дарью Харитоновну Парфенову. Невеста была чудо как хороша в дареном женихом дорогом московском платье и жемчужном ожерелье, только бледна без меры. «Видно, не своей волей идет», – судачили в церкви кумушки-греховодницы, обвиняли Евдокию в корыстности.

Ефим не пошел на свадьбу к сестре, только поклонился ей в ноги накануне и попросил прощения.

– Бог тебе судья, братец, – сказала плачущая Даша и обняла любимого брата.

Сотник сдержал слово: купил у разорившегося торгового гостя небольшую, но ладную избенку для Парфеновской вдовы, так как Евдокия напрочь отказалась жить вместе с молодыми.

– Ты прости, Никифор Игнатич, хоть и не чужие мы теперь, а не могу я так: Ефимка-то мой и так из дому сбегает, что ни день. А стань я с вами жить, так совсем парень ишалается и погибнет.

Никифор ничего не сказал, его сердце пело надеждой на будущее счастье с Дарьей, и он верил, что и Ефим образумится, когда поймет, как хорошо сестре живется за сотником.

... В жарко натопленной спальне на пуховой перине съежилась в углу кровати дрожащая Даша. Со страхом ждала она своего мужа. Чистая девушка страшилась предстоящей ночи с сотником. Он пугал ее и возрастом, и чином, и великим достатком, который мельком успела увидеть во время свадебного гулянья молодая жена. Но более всего пугал ее сотников шрам и глубоко посаженные глаза, в которых загорался страстный огонь всякий раз, как взгляд стрелца падал на Дарью.

Никифор со свечой в руке вошел в спальню и затворил дверь на крючок. Он был бос, в свободной рубаше и простых холщевых портах. Укрепив свечу на поставце, сотник присел на край кровати. Даша с испугу сжалась в комочек и расширенными от страха глазами следила за мужем.

– Почто дрожишь, голубонька? – спросил он. – Знай, ладо мое долгожданное, никогда тебя не обижу, скорей сам умру, чем дам хоть слезинке твоей упасть!

– А зачем же замуж тогда брал, знаешь ведь, что не мил ты мне, – тихонько проговорила Дарья.

– Знаю, знаю, что не любишь, – тяжело вздохнул Никифор, – но посуди сама: как я мог смотреть на твои страдания, когда по-другому помочь тебе нет возможности! Я верю, Дашенька, что настанет день и отогреешься ты моим теплом и хоть не все свое сердце, а малую часть его уделишь мне, я и этим рад буду. А сейчас спи, ласточка, я тебя не трону.

Сотник действительно лег на край кровати, стараясь не задеть дрожащую жену, и вскоре дыхание его стало ровным и глубоким.

Измученная Дарьюшка долго смотрела на спящего мужа и никак не могла до конца уразуметь, что ее действительно сегодня не тронут. Постепенно сон сморил измученную девушку.

... Перед рассветом она проснулась оттого, что Никифор осторожно вытягивал из-под нее простыню. Затем он взял нож и надрезал себе руку повыше запястья. Заметив невысказанный боязливый вопрос в глазах жены, он невесело улыбнулся и сказал, щедро кропя простынь своей кровью:

– О твоей чести забочусь, ласточка, чтобы люди о тебе худого не подумали.

Пришедшие опосля свахи умильно поглядели на лежащую смирно испуганную Дарью, а потом, толкая друг друга локтями да перекидываясь срамными прибаутками, вытянули на свет и с радостным кличем вывесили окровавленную простыню на обозрение небольшой толпе, успевшей собраться под окнами спальни новобрачных. Люди одобрительно загудели, приветствуя калину, которой молодая жена порадовала супруга.

Никифор выдворил довольных свах, одарив каждую целковым, и обратился к Дашеньке:

– Сейчас принесут твое платье, одевайся, милушка, и спускайся в горницу: поведу знакомить тебя с хозяйством.

Когда Дарья, одетая уже как замужняя женщина, спустилась в горницу, там собралась вся немногочисленная дворня далеко не бедного сотника. Он представил всех по очереди молодой хозяйке и наказал слушаться ее и почитать. После утренней трапезы Никифор повел Дарью показывать дом и подворье. Хоть семья Парфеновых была не из последних в Царицыне, такого изобилия девушке видеть еще не приходилось. Муж провел ее по всем комнатам и кладовым, показал все запасы и отдал ключи.

– Владей всем по праву супруги, да прикажи нашить тебе нарядов поболее – ты теперь жена стрелецкого сотника и наряжаться должна по чину. Да вели поклониться синим бархатом Евдокии Степановне, матушке своей, пусть дворовая девка снесет ей с поклоном, – сказав все это, Никифор удалился справлять службу.

... Дни летели за днями, Дарья хлопотала по дому, а дел в немалом хозяйстве сотника находилось великое множество. Она шила себе наряды, находя в этом своеобычное удовольствие. Ведь она была еще очень молода, и постепенно проходила ее печаль о прошлых днях, перестал пугать ее образ сотника, и страшный его шрам на лице более не ужасал, а вызывал желание прикоснуться...

Когда Дарья впервые поймала себя на этой мысли, то просто растерялась, ей показалось, что она предает память Григория и своей к нему любви. Девушка кинулась в церковь, пала на ноги седенькому отцу Николаю и, разрыдавшись, поведала священнику о своих сомнениях.

– Не плачь, чадо мое, – ответствовал старый пастырь, поднимая ее с колен. – Нет греха в твоих помыслах, жив по живому разумеет, а мертвым – вечная память! Ступай в мужний

дом, да будь примерной женой, как повелел Господь наш единосущный, – с этими словами он благословил Дарью и ласково выпроводил из церкви.

Вроде и не сказал ничего особого отец Николай, а стало легче на душе у Даши, и шла она домой с открытым сердцем, которое уже было готово ответить на нежную заботу и любовь мужа.

После этого события молодая жена сотника стала чаще улыбаться мужу, смелее быть с ним в речах, но после откровенного бабьего разговора с матерью Дарья задумалась: а что ж это супруг постель с ней не делит? Али завелась у него какая, что и молодая желанная жена ненужною стала? Эти помыслы так подействовали на нее, что через несколько дней, она, не утерпев, снова отправилась к матери за советом. Результатом бабьего сговора стало следующее.

Через неделю у сотника должны были быть именины, и Настя в великой тайне от него пошила себе и мужу по рубашке из тончайшего полотна и украсила их вышивкой со сходным узором. В день мужних именин, к его возвращению со службы, Дарья велела жарко истопить баню, да накрыть богатую трапезу в светелке и подать к столу византийского сладкого вина. Потом велела дворне проводить хозяина по приходу в баньку попариться, а самим сей же момент с глаз долой исчезнуть.

Вся челядь по-доброму относилась к молодой хозяйке, которая не чинила им обид и не гоняла их попусту. Поэтому наказ Дарьи Харитоновны был исполнен в точности.

... Удивлению Никифора не было предела, когда, распаренный, он вышел в предбанник и увидел там пунцовую от жары и смущения Дашу в тоненькой рубашке совсем не скрывавшей ее прелестного молодого тела. Супруга протянула ему рубашку, помогла облачиться и, поклонившись, с нежной застенчивой улыбкой произнесла:

– С именинами, Никифор Игнатич!

Бедный истомившийся сотник не мог поверить в свершившееся чудо: Дашенька, его голу-бушка, сама пришла!.. Он подхватил жену на руки, крепко прижал к груди и впервые поцеловал...

Великий восторг охватил сотника от прикосновения к сладостным губам любимой. Ему казалось, что небо опустилось на землю и светлые звезды завели вокруг них свой колдовской хоровод...

А юной Дарье не верилось, что она снова может чувствовать, что душа ее не умерла для любви, что муж наконец-то занял в ее сердце свое место!

... Никифор, словно сбросив добрый десяток лет, птицей взлетел в спальню с драгоценной ношей на руках и бережно уложил любимую на кровать. А потом он долго-долго целовал ее тело; пьянея от запаха Дашиной кожи, от ее упругих налитых грудей, Никифор шептал нежные слова и все повторял на разные лады имя любимой. А Дашеньку бросало в жар от незнакомых смелых ласк, ее тело выгибалось под умелыми мужскими руками, а пальцы робко пытались ласкать тело вновь обретенного любимого.

Никифор более не мог сдерживать страсть, да и любимая его уже призывно стонала, ожидая чего-то доселе ей неведомого, но желанного. Понимая извечным женским чутьем, что близится момент, когда она познает боль и восторг плоти, Дарья развела ноги и раскрыла объятья мужу. Со стоном блаженства он опустился на хрупкое тело жены и медленно и осторожно стал подбираться к ее последней девственной преграде. Движения его убыстрялись, сладострастные стоны переросли в хриплое рычание, а Дарья, в нетерпении рванувшись на встречу супругу, вдруг почувствовала резкую боль, но не испугалась, а лишь теснее прижалась к Никифору. Он тоже понял, что произошло, поэтому замер и снова стал нежно покрывать поцелуями любимое лицо и шептать утешающие нежности...

И опять жаркая волна страсти накрыла их, и тела супругов задвигались, подчиняясь древнему зову плоти и даря друг другу несказанное блаженство...

До рассвета Никифор любил молодую жену, а утром, поцеловав утомленное страстью чело любимой, оставил ее отдыхать.

Вечером счастливый сотник одарил Дарью великолепным рубиновым кольцом, и с этого дня ему нечего стало более желать. Счастье поселилось под крышей стрелецкого терема.

А однажды вечером, придя домой после службы, Никифор застал в горнице свою тещу Евдокию Степановну. Та была слегка навеселе и, поздоровавшись с зятем, улыбаясь сказала:

– Ну что, Никифор Игнатич, вот и дожидая я до внуков!

– До каких внуков, Евдокия Степановна? Не пойму я тебя!

– А это ты у любезной супруги спроси у своей, почему она у тебя к соленым огурцам желание возымела.

До сотника начало доходить, что имела в виду теща. Он обернулся к Даше:

– Ласточка моя, неужто правду мать рассказывает?

Видя неподдельную радость мужа, Дарья кивнула, смущенно улыбаясь.

– Да когда ж?.. – спросил он, ласково прижимая к себе жену.

– В ту самую ночь, Никифор Игнатич, – тихонько сказала она, глядя на мужа счастливыми глазами.

На радостях сотник одарил тещу сверх всякой меры, дворне выставил бочонок медовухи, а любимой Дарьюшке подарил персидскую шаль, шитую золотом.

... Когда радостная Евдокия поделилась с сыном этой сильно интересной новостью, Ефим пришел в ярость:

– Мало того, что эта змея слюбилась с сотником, предала Григория, так теперь еще и ублюдка его носит! – кричал он в неистовстве.

– Побойся Бога, сынок! – воскликнула удивленная мать, – Григорий помер давно, а Дашеньке жить да жить. Радоваться должен за сестру, что сложилось все у нее с мужем. А чем тебе дитя невинное, нерожденное не угодило? Давно забыть пора старое! Сходи к Дарье, поздравь сестрицу-то!

– Ну уж нет, матушка! Ноги моей в этом доме не будет! Мне и здесь-то жить невмочь, как знаю, из чьей милости живем!

– Эх, Ефимушка, только-только молоко на губах обсохло, а уж гонору ровно у казацкого головы! Никифор-то только добро нам делает и тебя готов в стрельцы устроить, помирись ты с ним, успокой материнское сердце, дай спокойно пожить на старости лет, чтоб душа о тебе не болела! Христом-Богом тебя прошу, сынок!

От таких материнских слов Ефим просто потерял дар речи и, не умея совладать с гневом, грохнул об пол подвернувшуюся под руку крынку и выскочил вон.

Он, как всегда в трудную минуту, пошел на отцовскую могилу и долго сидел там, думая, как ему жить дальше, где преклонить буйную голову, потому как чуял он в груди великое смятение, и некому было обсказать свои думы. Не понимал его ни крестный дядька Павло, ни священник отче Николай. Последний вообще наложил на парня епитимью: велел впятеро бить поклонов, да читать Отче наш четырежды по утрени, да в вечеру. А напоследок прибавил:

– Дерзок ты не по возрасту, гордыня тебя одолевает, смертный грех это, Ефим! Так недолго тебе и в бунтовщиках оказаться! Покайся, отрок, да в молитвах прояви усердие, авось, Господь вразумит тебя, грешника!

ГЛАВА 3

Время шло, Дарья легко разрешилась от бремени, принесла на исходе весны мужу здоровенького крепенького мальчонку: его окрестили Николаем. Никифор на руках носил жену, а Евдокия не отходила от внука. Только Ефим так и не смог унять супротивных чувств и на известие о рождении племянника только безучастно спросил:

– Как назвали-то? Николаем? Ну и Бог с ним...

Мать лишь махнула рукой – она уж более не надеялась образумить непутевого сына. Постаревшая Евдокия жила теперь с семьей дочери и внуком, а Ефим все более отдалялся от матери. Молодой казак частенько надолго пропадал из дому и нередко возвращался с разбитыми кулаками и в изодранной рубашке, которую молча бросал матери на предмет починки, так как наперво сам попытался справиться, да только исколол все пальцы и, сломав иглу, в сердцах нехорошо выругался.

... Минул год, и семья сотника Васильева вновь ждала прибавления. Дарья легко носила дитя, нисколько не тяготясь. Она расцвела в полную силу: тело налилось женской округлостью, движения обрели мягкость, речь стала плавной. Жена сотника ходила с высоко поднятой головой, гордо глядя на горожан, но не кичась своим положением. Когда шел Никифор в праздник к обедне со своей красавицей женой, казаки провожали ее восхищенным взглядом, а бабы завистливо поджимали губы, дивясь на роскошные наряды сотниковой супружницы.

Как-то случай свел Дарью с Ефимом. Сестрица радостно окликнула брата, потому как непонятна ей была его остуда и шибко скучала она, не видя милого братца. Но Ефим смерил сестрицу презрительным взглядом и процедил сквозь зубы:

– Уйди с дороги, да не попадайся мне более.

– Чем прогневала я тебя, Ефимушка? Пошто не радый ты мне? Пошто не придешь взглянуть на племянника, он уж на ножки встал и так смешно лопочет! – увлекшись, как всякая мать, что говорит о своем дитяте, Дарья не замечала, как темнеет лицо Ефима и сжимаются кулаки.

– Молчи, змеюка, кабы не грех великий бабу в тягости убивать, своими руками бы тебя порешил!

Непонимающая Дарья в ужасе смотрела на брата.

– Да как же...

– Ты Григория предала и мне обман учинила: рыдала-плакала, мол постылый сотник, а теперь вона что! Он тебя брюхатит, а ты и рада-радехонька! Продалась за цацки, гордость казацкую порушила! Нет у меня сестры более!

И, развернувшись, Ефим споро зашагал прочь. Дарья стояла ни жива ни мертва, потом острая боль, словно змея, обвила ей чресла, и бедная женщина с трудом добрела до дому. В ночь ей стало совсем худо, с ней сделалась горячка, Дашенька металась на руках обезумевшего от страха за жену сотника.

Поднятый среди ночи лекарь с трудом выпроводил Никифора и, притворив дверь, принялся за несчастную. К полудню лишь вышел он нее и вручил сотнику крохотный сверток с новорожденным. Измученный малыш спал.

– Раньше срока опросталась твоя женка, Никифор Игнатьич, не доходила... Но не кручинься: баба крепкая, оклемается вскорости. Да и твоя кровь сильна – сын у тебя ноне нарождался. Да ты не гляди, что махонький, такие-то еще крепче бывают. Ну, стрелец, гляди веселее!

Время подтвердило правоту лекаря: и Дарья, и младенец вскорости были здоровеньки. Младшенького окрестили Юрием, и через несколько месяцев он всюю ползал за смешно ковыляющим старшим Николкой. Но только у Дарьи с той поры появилась тонкая седая прядь в косе.

Никифор долго выпытывал у жены, что содеялось с ней и почто приключилась с нею такая напасть. Дарья отнекивалась всяко, но лгать сызмальства была не обучена, потому в конце концов поведала мужу о встрече с братом. Сотник пришел в бешенство, и Дарье не удалось удержать его. Никифор кинулся на поиски Ефима.

После того как не нашел он своего непутевого деверя дома и поведал Евдокии о том, что явилось причиной Дашенькиной хвори, Никифор, поспрошав тещу, где искать ему шалого парня, и не получив вразумительного ответа, отправился искать того по Царицынским кабакам.

На Ефима сотник наткнулся в грязном притоне у пристани, где тот пьянствовал с голытьбой и шаромыжниками. Изрядно подвыпивший парень первым приметил Никифора.

– А, казаченьки, гляньте, кто к нам пожаловал! Сам царев сотник! И чего тебе надо, ищешь сызнава, кого оговорить да и обобрать под шумок?

Ефим явно вызывал стрельца на драку, но тот решил не поддаваться – слишком много голутвенных одобрительно гудели, слушая пьяные Ефимовы речи.

– Ты, Ефим, мели себе, мне это без разницы. Да только вот что замони накрепко: еще раз Дарью затронешь – убью!

И не обращая более на выкрики Ефима никакого внимания, Никифор вышел.

...То ли подействовала так на Ефима встреча с сотником, то ли позвала его собственная смутная судьба, а только увязался он с казаками в поход, выпросив у дядьки Павло, своего крестного, всю казацкую справу. Не велика была прибыль, и славы не много добыл молодой казак в первом походе, но почувал он себя теперь бывалым и опытным. Подарил матери шелковый плат, а остальное, не в пример покойному батьке, спустил с голутвенными в кабаках. И с пьяной головы вел Ефим воровские речи, недоволен был судьбой своей и зол на стрельцов, и на весь казачий круг, и на всех, кто имел тугую мошну...

Прошло несколько лет, росли сыновья сотника, старилась вдова Парфениха, горя о непутящем сыне и радуясь на внуков, а с Дона долетела до Царицына молва о лихом атамане Стеньке Разине, что сулил голытьбе да беглым лучшую долю и стоял за исконные казацкие вольности. Более всех речи о Разине любил слушать Ефим. Ему казался лихой атаман воплощением собственных дум и чаяний. Молодой казак мечтал попасть в Разинскую ватагу и заслужить лихостью и удачью славу и почет. И мечты его сбылись: в мае к Царицыну подошел Разин со своим войском.

Ночью подошли казацкие струги под самые стены города, и работнички Стеньки обстреляли стрельцов из пушек и ружей. Затем Разин послал есаула Ивана Чернойярца объявить городскому воеводе и стольнику свои намерения и условия. Он требовал от воеводы сдать Царицын без боя. Стеньке после разграбления царского каравана уже было нельзя отступать, и потому гневные воеводины крики о том, что забыли казаки страх божий и ждет их превеликая опала и казнь смертная, дослушаны Чернойярцем не были. А казаки вновь обстреляли город и пошли на приступ.

Чуть было не пробились они в крепость, но сотник Никифор Васильев вместе с воеводою Унковским подняли дух заробевших от неожиданной напасти стрельцов, которые дружно взялись палить со стен по супостатам и спихивать их с вала.

Не единожды за ночь штурмовали казаки Царицын, но взять его так и не сумели.

Потери казачьи были невелики, так как не палили стрельцы из пушек, ибо подмочил Ефим порох тайно, а сам пустил слух, что Разин заговоренный и не будут стрелять по нему пушки. Сам же искал способа перебраться в Стенькино войско.

С рассветом казаки отступили от города и уплыли на Сарапинский остров. Собрав Круг, Разин дал выкричаться самым горячим, что требовали брать Царицын штурмом, сделал им укорот и опять послал к городским стенам Чернойярца.

Есаул сказал долгую грозную речь, а затем добавил, что не хочет атаман учинять кровопролития стрельцам и простому тягловому люду, а лишь требует наковальню выдать и всякую прочую кузнечную снасть.

Среди тех, кто вызвался исполнить атаманово пожелание и доставить казакам все, что затребовано было, затесался Ефим, который не стал опосля возвращаться за крепостную стену, а пал в ноги есаулу и Христом-Богом просил отвести его к Степану Тимофеевичу, чтоб позволил он Ефиму пристать к вольному казацкому войску.

Отказу ему не чинили, и тем же вечером стал Ефим Парфенов вольным казаком и отправился вместе со Стенькой вниз по Волге.

...После неудачи под Черным Яром осторожный Разин хитростью справился с засадой астраханского воеводы Хилкова, каковую тот учинил на Стенькино войско на низовом волжском протоке – Бузане. А далее, привлекая к себе все новых и новых людей и пользуясь тем, что охотники и рыбные ловцы хорошо знали здешние места и всяко помогали разинцам, Стенька беспрепятственно прошел по малым протокам и камышам и по чистой воде двинулся вниз по Волге.

В Красноярском городке Стенькино войско разбойным путем пополнило военные припасы, отобрав оные у государевых людей. Ефим рвался в самую гущу любой заварухи, дабы скорейшим образом обрести воинскую славу.

...А Степан Тимофеевич, как уважительно поминали своего атамана казаки, зло шутил над боярами да стрелецкими начальниками, когда отвлекался от невеселых дум. Его одолевали мысли, что слабо еще его вольное войско: две тысячи душ – еще не сила перед стрелецкими полками да рейтарами, крепка защита у волжских городов и зело опасен астраханский воевода Хилков, бывалый вояка и тертый калач. А до Персии далеко, и назад возвратиться без хороших зипунов суромно и нелепо, когда только-только его казаки погуляли по Волге, пощипали торговых людей да погрозили Царицыну.

Потому в великой тайне держал Степан свои замыслы и все лето обменивался тайными грамотами с яицкой голутвой, где ждали его как избавителя и заступника. Атаман твердо обещал: ждите, мол, буду!

С насоку казаки справились в устье Яика со стрелецкой засадой. А Разин сказал стрельцам, что зовет их с собой, а иные вольны идти своей дорогой. И, не мешкая, двинулись далее по реке вверх к Яицкому городу.

Хоть и мал, да грозен был городок, крепость была изрядная, знатно пушками укрепленная. И власть прочно держали домовитые казацкие старшины, и стрельцы стояли там крепкие, в боях не раз бывшие. Потому не стал Стенька брать Яицк с насока, а встал поодаль укрепленным лагерем.

Но напрасны были надежды стрелецкого головы, что испугаются воры пушек, да и уйдут с миром: через несколько дней Разин все знал о городе. Доложили ему лазутчики, что пробирались тайно из Яицка, сколько воинского припаса в крепости, которые стрельцы да казаки будут воевать супротив Степана Тимофеевича, а которые – нет; и сошлось, что некому защитить с виду грозный городок, потому что простой люд зело много потерпел от местных богатеев и ждет не дождется своего избавителя, чтобы раздунуть их животы промеж всей яицкой голытьбы. И задумали они справиться с крепостью хитростью.

...Сорок казаков во главе с Разиным подошли по утру к воротам и обратились к воеводе с просьбой пустить их помолиться. Иван Яцын, как человек богобоязненный, не мог отказать людям, ищущим утешения словом божьим, да и не много их было: мыслил воевода захватить Стеньку малою кровью и получить награду и милость от государя.

Степенно пройдя в отворенные стрельцами ворота, казаки вдруг выхватили из-под кафтанов кинжалы и кинулись на охранявших ворота стрельцов.

Завязался яростный бой. Ефим, что был вместе с мнимыми богомольцами, старался держаться поближе к Разину, который был в самой гуще битвы. Спрятавшиеся с ночи в ближайшей к воротам лошине казаки еще не успели добежать к своим на выручку, и окружавшие Стеньку бойцы с тревогой оборачивались на своего атамана. А тот рубился, ничего не замечая вокруг. Лишь счастливая звезда Степана, да недавно примкнувший к нему Ефим спасли удалого атамана от верной гибели. Молодой отважный казак перехватил летящий в предводителя кинжал. Разин заметил и запомнил это.

Вскоре стрельцы оказались зажаты между подошедшими основными казацкими силами и набежавшей с отдаленных улиц голутвой, вооруженной чем попадя. Городской люд кричал стрельцам, чтоб не учиняли кровопролития, что Степан Тимофеич не враг беднякам и казаки простому люду братья. И стрельцы в самом деле побросали оружие наземь, понимая невозможность сражаться далее.

Скорый на расправу атаман казнил голову и других стрелецких начальников, а затем Разинские казаки и яицкая голутва разбежались на грабеж по городу. Они не щадили приказных и торговых людей, чинили расправу над местными богатынями, а пограбленные животы со всего города тащили в дуван.

Опьяненный битвой Ефим носился по городку вместе с оравой голутвы и первый врывался в дома, выволакивал из подвалов спрятавшихся там, трясущихся купцов и устраивал над ними потеху, пока остальные ворошили кладовые. Молодой казак мало обращал внимания на возможность поживы, он считал, что его по справедливости наградит атаман.

Но в одной из очередных лавок его вдруг остановил алый взблеск, отмеченный краем глаза. Ефим развернулся в эту сторону и увидел скорчившегося в углу тщедушного трясущегося приказчика, который со страхом взирает на беснующихся людей, молитвенно сложив перед собой руки. На безымянном пальце правой руки подмигивал Ефиму кровавым глазом батюшкин перстень!

Далее Ефим действовал словно в бреду: мешалось у него перед глазами, казалось, что вместо руки приказчика, манит его снова в жаркую бездну отрубленная рука родителя. С налитыми кровью глазами сгреб он несчастного приказчика за шиворот и прошипел тому прямо в лицо:

– Где кольцо взял, иуда? Отвечай!

Дрожа и заикаясь, перепуганный мужичонка выговорил:

– Не погуби! Все скажу, все! Хозяин скопом купил шкатулку у заезжего гостя, а мне отдал за ненадобностью. Не погуби, милостивец!..

Но Ефим уже не мог остановиться: полыхание дьявольского камня отнимало разум. Казак перерезал приказчику горло, выпустил обмякшее тело и отрезал палец с надетым на него кольцом. Затем брезгливо пнул безжизненный труп и вышел из лавки.

Он надел кольцо на палец, не отрывая взгляда от камня, и в этот миг почувствовал ему злобный скрежещущий хохот, а руку словно охватило жарким пламенем, и красная пелена застлала глаза...

Немногим позднее Ефим пришел в себя и вновь посмотрел на отцовский перстень: камень был спокоен и беспросветно черен, словно и не было ничего, только бешенно колотилось сердце парня, будто собралось выскочить из груди, да по спине стекали струйки холодного пота.

А колечко, словно бы живое, уютненько так устроилось на пальце нового законного владельца. Притаилось выжидаячи. Восемь лет прошло, как оно ушло из семейства Парфеновых, и много чего случилось за эти годы.

ГЛАВА 4

...Отрубленная рука Харитона с перстнем на пальце оказалась на персидском корабле. Когда ж отплыли персы подальше от места побоища и стали прибирать палубу, то злосчастную руку, попавшую под лавку галерных гребцов-рабов, никто и не приметил. Только ночью, когда галера легла в дрейф и гребцы получили возможность немного поспать, один из них обнаружил этот жуткий обрубок.

Был это красивый молодец примерно двадцати лет. На галеру попал он недавно, поэтому непосильная работа еще не успела оставить свой след на его могучем теле, но рубцы от кнута уже покрывали его дочерна загорелую спину.

Звали раба Глебом, и был он горд и строптив непомерно. Оттого частенько охаживали его плетью. Глеб Растокин был дворянским сыном, рано осиротевшим. Воспитывал его дядя, что служил в Посольском приказе и, гордясь умом племянника, готовил его в свои преемники. Когда Глеб вошел в возраст, то взял его с собой дядя в Персию. Там-то и опоили парня коварные персы, польстившись на недюжинную его силушку: Глеб подковы гнул одной рукой и кочергу мог узлом завязать.

Таким своим умением и похвалялся он в порту, будучи уже в изрядном подпитии. Языки Глеб знал во множестве, нрав имел открытый и веселый, потому и мог быстро стать своим в любой компании. Дядя-то считал, что с такими талантами прямая дорога племяннику иноземным послом стать. Да только судил Бог иначе.

Очнулся Глеб в каменном грязном и вонючем подвале, связанный по рукам и ногам. Да еще и голова трещала изрядно после вчерашних неумеренных возлияний. Поозирался он вокруг, пребывая в недоумении, потому как память у него отшибло начисто: ничего не помнил молодец о том, как оказался в таком положении. Но приметив еще два десятка таких же бедолаг, Глеб наконец-то уразумел, что пленили его работорговцы. И как ни старался молодец, как ни напрягал могучие руки, оказалось, что путы порвать нет никакой возможности. Персы-то не дураки были: крепко опутали парня, помня об его немереной силище.

Испытал молодец сильное смущение чувств от такого оборота, но, подумавши немного, несколько приободрился: порешил он, что как только появятся его пленители, то объявит он им про свое родство, чтобы к дяде грамоту отправили с просьбой о выкупе. Не было у Глеба сомнений в том, что заплатит дядя за него полновесной монетой и рабство его недолгим будет.

Да только не оправдались его чаянья: как получил дядя от персов грамотку о выкупе, так пришел в великое негодование. Разорвал он ее, на пол бросил, ногами затопал. Кричал, что де не собирается всякую теребень кабацкую выручать и что если племянничек его заботы об себе не ценит, а, напротив, безобразия учиняет, то пусть сам же и выпутывается.

Обозленные работорговцы отпинали Глеба ногами, выместив таким образом на нем свою досаду за долгое бесплодное ожидание. Они-то уверились в получении выкупа, а не – не свезло им. Вот и продали они Глеба на пиратскую галеру гребцом.

...Когда же на галере молодец обнаружил Харитонову руку, то хотел было сразу выкинуть за борт эдакую дрянь, да вдруг на пальце увидел колечко с камушком: горел камушек ровно уголек, манил к себе. Глеб снял перстенок, поглядел недолго на дивный камень, да и надел тот перстенок на свой палец.

Словно огнем руку охватило, будто колечко только что из горнила вынули. Едва сдержался молодец, чтоб не вскрикнуть от боли, и уже по-иному взглянул на неожиданную обнову. А камушек-то словно успокаиваться начал: цвет свой пламенный пригасил, а потом и вовсе мигнул искрами раз-другой да и погас, стал невзрачным и черным.

Пожал плечами Глеб на странности эдакие, да и спать лег. А то ведь персы проклятушие до свету на весла опять посадят. Но с той минуты сменилась судьба у молодца, хоть сам он об этом и не догадывался.

В следующем плавании случилось так, что обронил надсмотрщик над гребцами ключи от оков аккурат рядом с Глебом, тот их приметил да и пригреб ногой под лавку. А ночью отомкнули все рабы свои кандалы, напали на своих хозяев и перебили их. Особенно поиздевались они напоследок над капитаном пиратским, который злобностью своей и жестокостью даже команду свою страшал, а не токмо рабов.

Поделили освободившиеся рабы добро, пиратами награбленное, приплыли в маленький порт, где Глеб, единодушно предводителем избранный, помог всем своим сотоварищам определиться в дальнейшей жизни. Разбрелись люди кто куда: всех ждала родная сторонка, с коей многие уж и не чаяли свидеться. А вот Глеба отчего-то домой не тянуло. Да и доля его от пиратских сокровищ изрядной была: ларец с драгоценными камнями достался молодцу.

Захотелось русичу по свету постранствовать, поглядеть на разные страны заморские. Да и зол он был на дядю своего изрядно за то, что не захотел тот его выкупить. Глеб, конечно, понимал, что сам виноват был, но все едино горела душа обидою.

Так и случилось, что, приодевшись в платье персидское да купив хорошего коня и саблю отменного булата, принял Глеб облик знатного путешественника. Когда мошна полна золота, отчего бы и не постранствовать?

Весела и удачна была дорога молодца, открывались перед ним двери лучших караван-сараяв, угодливо склонялись купцы в лавках. Без счета тратил Глеб деньги, не думал о завтрашнем дне. Да и откуда в юности беспечной возьмется мудрость, знающая нужду?

Сколь прекрасна была Персия с ее вечно зелеными садами, с роскошными дворцами и гордыми минаретами! Дивные места повидал Глеб в своем странствии и многие диковинные вещи. Но более всего поразил молодца шахский выезд в Исфагани, когда впервые увидел он слона. Исполинский зверь, доселе невиданный Глебом, так потряс его воображение, что захотел он увидеть волшебную страну, где водятся слоны в изобилии.

Это горячее желание привело молодца на торговое судно, отплывающее в Индию.

Удача не покинула Глеба в этом путешествии: ветер всю дорогу попутный дул, наполнял паруса, что весело несли судно по волнам. А дорогу коротал он с одним купцом, который отправился в великую страну за шелком. Выучил тот Глеба премудрой игре в шахматы, какую сам узнал в Индии. Ведь страна эта не только своими искусными ремесленниками славилась, кои выделявали изумительные по красоте вещи, но и мудрецами, что познали великие тайны сотворенной Господом земли, хоть и были язычниками.

Дивился купец персидский на то, как быстро освоил Глеб игру. А тот и впрямь через седмицу уже стал обыгрывать купца. Почтенный торговец звал молодца к себе в помощники, говорил, что стар уже, а сыновей не послал ему Аллах. Лишь две дочери были у купца, и любую из них предлагал он в жены Глебу. Молодец лишь посмеивался на эти слова: уж жениться-то ему сейчас и вовсе без надобности было.

Подошло к концу плавание, и берег Великой Бхараты, страны сказочных чудес, показался вдали. Вскоре корабль бросил якорь в маджапурской гавани.

Маджапур потряс Глеба своим древним величием, все в нем было: прекрасные храмы и дворцы магараджей, дивные статуи языческих богов, роскошно убранные драгоценными камнями. Дивился молодец и тому, что ходят свободно обычные коровы, почитаемые индусами как священные животные. А вот величественные слоны бревна таскают, словно простая тяговая скотина.

Довелось Глебу и самому прокатиться на слоне. Дух захватило у него, когда гигант, на спину коего молодец взобрался, встал в полный рост и с гордой тяжеловесной грацией двинулся вперед. Погонщик слона объяснил Глебу, как добродушны эти большие звери. Раскрывши рот,

слушал русич байки прожаренного солнцем погонщика о силе, мудрости и верности слонов. Дивно показалось Глебу, что почитают индусы слона воплощением бога мудрости Ганеши.

Решил молодец подольше задержаться в Индии, тепло распрощался со своим попутчиком, купцом персидским, пожелав ему удачи. Глебу хотелось побольше узнать о загадочной волшебной стране, куда завело его неумное любопытство. Жилье он сыскал себе опять же у купца, старинного друга своего попутчика. И через месяц уже сносно мог даровитый молодец изъясняться со своим хозяином, почтенным господином Раджанандой, на его языке.

Целыми днями бродил Глеб по улицам Маджапура под палящим солнцем. Останавливался поглазеть на факира с камышовой дудочкой, который заставлял своей заунывной игрой танцевать страшную ядовитую кобру. Пробовал незнакомые кушанья и необычные сладости. Дивился на крупные, остро пахнущие цветы. Одежда индусов забавляла Глеба: ему странным казалось их умение просто заворачиваться в кусок ткани. Женская одежда называлась сари, а мужская – дхоти, хотя разница была лишь в длине потребного куска ткани.

А еще дюже нравились ему смуглые черноволосые индийские девицы и женщины. Ходили закутанные в тончайшие шелка красавицы, плавно покачивая бедрами и позванивая браслетами, коими украшали они и руки и ноги. Более всего пленился молодец юной уличной плясуньей. Не мог он глаз от нее оторвать, когда она танцевала в пестрых блестящих одеждах под мерный, завораживающий перестук барабанов-мриданг, на которых играл старик в тюрбане и дхоти, и пела высоким и звонким голосом, будто птичка.

Окончив танцевать, красавица пошла по кругу зрителей, подставляя сложенные чашей ладони. Люди одобрительно гудели и давали ей мелкие серебряные и медные монетки. А Глеб положил в ладони девушки золотой. Когда же подняла она взгляд на столь щедро оценившего ее танец господина, то он улыбнулся ей, стараясь сказать глазами, что пленен ее красотой.

Плясунья потупилась смущенно и робко улыбнулась ему в ответ. Сердце Глеба преисполнилось радостью и, когда разошлась толпа смотревших, то он, держась в отдалении, пошел следом за стариком и девушкой. Дважды еще собирал старик громкими выкриками людей, а красавица танцевала для них. И каждый раз клал Глеб в ее ладони золотую монету.

Солнце стало клониться к закату, и старик с девушкой направились к окраине города, где жили в тростниковой лачуге, обмазанной глиной. Юная плясунья уложила старика отдыхать на плетеную лежанку, а сама, не переставая весело напевать, принялась хлопотать у маленького очага в крошечном дворике.

Глеб смотрел на нее, прячась за раскидистым баньяном, и не мог налюбоваться на ее гибкий стан и грациозные движения. Казалось, что, и справляясь со стряпней, девушка продолжает танцевать. Наконец молодец не выдержал и, подняв с земли маленький камушек, ловко запустил его в блестящий медный горшок с молоком, что был в руках у красавицы.

От неожиданности она вскрикнула, выронила горшок, но, изогнувшись в немыслимой позе, умудрилась подхватить его у самой земли, не пролив ни капли. Сердито сдвинув брови, девушка заозиралась по сторонам, ища глупого шутника. И взгляд ее встретился с немного смущенным взглядом Глеба...

Так познакомился молодец с шестнадцатилетней сиротой Рукмини, которую воспитывал дед. Девушка с детства мечтала стать храмовой танцовщицей девадаси, но когда погибли ее родители, ей пришлось оставить свою мечту и заботиться о дедушке, зарабатывая на хлеб ремеслом уличной плясуньи.

Красавец Глеб сразу пленил сердце Рукмини и своей щедростью, и ласковым взором теплых карих глаз. Юной девушке по нраву пришелся статный богатый господин, и вознесла она благодарственные молитвы в храме Савитри, что была покровительницей супружества.

А молодец влюбился в первый раз в жизни, зажгла в его душе светлое пламя любви юная чужестранка своей необычной красотой. Да еще и то, что, как и он сам, сиротою она была горькой, привязало его к девушке накрепко.

Уходили они по вечерам, когда ложился отдыхать от дневных трудов дедушка Рукмини, бродить по прекрасному городу и по цветущим лугам, что окружали Маджапур. Глеб рассказывал любимой плясунье о далеких странах, а она пела для него и танцевала в лучах заходящего солнца.

А вокруг безумствовал весенний месяц магадха, когда пробуждается для любви все живое. Так и случилось, что отдала Рукмини свою непорочность пылкому русичу. Ни о чем в те минуты не думали влюбленные, ничего вокруг себя не видели, когда тела сливались в единое целое, взмывали их души к звездам...

Да и после ничего не опасалась девушка, верила она любимому, более чем себе. Глеб также в мыслях не держал обмануть прекрасную плясунью, которую любил всей душой. И были счастливы влюбленные, не чаяли они, что нависла над ними беда.

Богатый толстяк Кумбхакарна давно положил глаз на Рукмини и даже просил у ее деда продать свою внучку ему в наложницы. Да только отказал ему старик. Тогда оскорбленный Кумбхакарна стал преследовать девушку, суля ей за любовные утехы подарки богатые. Рукмини же опозорила толстяка прилюдно, обругав всячески и прося у окружающих защиты от развратника. С тех пор затаил богач зло на гордую маленькую плясунью и ждал подходящего случая отомстить ей.

Когда же Кумбхакарна заметил, что исчезает куда-то по вечерам Рукмини, то решил он проследить за ней. А увидев ее с красивым молодым человеком, преисполнился жгучей ревностью и измыслил страшное.

Через несколько дней он встретил идущую в храм Савитри девушку, преградил ей дорогу и закричал во все горло:

– Эй, люди! Посмотрите на эту бесстыжую, она отдалась иноверцу, а сама без всякого стыда идет в храм Великой Богини!

На его крики стали собираться люди. Рукмини стояла с опущенной головой, и ее щеки пылали от стыда, а сердце заходило от страха. Она знала, как беспощадны могут быть люди к потерявшей невинность девушке. А толстяк продолжал кричать:

– Видите, как она испугалась!? Если бы это не было правдой, то она бы не опустила голову! Так бейте же ее!

С последними словами, Кумбхакарна толкнул Рукмини на землю, схватил камень и с силой бросил в нее. Камень попал девушке по лицу и рассек бровь. Тонкая струйка крови потекла из раны. Танцовщица заслонила голову руками, но камни уже градом посыпались на нее...

Через недолгое время все было кончено: растерзанное тело Рукмини осталось лежать в пыли перед храмом, а толпа под предводительством мстительного толстяка, потрясая палками и камнями, двигалась к дому купца Раджананды, где жил Глеб.

Сам же купец возвращался домой после молитвы в храме Куберы, покровителя богатых и удачливых. Он увидел мертвую девушку и яростную толпу людей, быстро удалявшуюся от храмовой площади, где лежало тело несчастной Рукмини. Когда по выкрикам толстяка-предводителя торговец понял, куда и зачем эта толпа направляется, то опрометью кинулся к дому.

Там он застал Глеба, который с безумными глазами смотрел на свой перстень. Молодца терзала боль и непонятный холодный ужас сковал его сердце. Он никак не мог прийти в себя с тех пор, как увидел вспышку багрового огня в камне своего кольца. К тому же рука его была точно огнем охвачена.

Кое-как удалось Раджананде привести Глеба в чувство. Питая к умному и доброму чужеземцу искреннее расположение, купец хотел спасти его. Он потащил еще плохо соображавшего молодца к выходу на задний двор, по дороге пытаясь втолковать:

– Глеб, тебе надо бежать немедленно! Кто-то выследил тебя и Рукмини, и сейчас огромная толпа людей идет сюда, чтобы тебя убить!

Русич вырвал свою руку у Раджананды и сказал:

– Без Рукмини я никуда не уйду.

Купец горестно ответил ему:

– Друг мой, спасайся сам, а ей ты уже не сможешь: Рукмини мертва. Они забили ее камнями. Беги же скорей, а я попытаюсь их задержать.

Ошеломленный этим страшным известием, Глеб более не сопротивлялся другу и быстро пошел к выходу...

Ночь безутешный молодец встретил на корабле, который отплыл в Персию. Раджананда убедил людей, что в его доме нет иноверца, и направил их по ложному следу, а потом собрал Глебовы вещи и деньги и устроил друга на корабль. Там купец сердечно простился с русичем, горя, что приходится им расставаться при столь страшных обстоятельствах.

Глеб сидел на палубе и глаза его смотрели вникуда. Жестокая боль поселилась в его сердце после того, как узнал он о смерти любимой. Знал молодец, что уж никогда более никого полюбить он не сможет так, как любил юную плясунью Рукмини...

ГЛАВА 5

Почти два года уже странствовал Глеб вдали от родины, и снова он был в Исфагани, откуда начались его приключения. Судьба была благосклонна к молодцу, и удача сопутствовала ему. Вот только после гибели любимой появилась у него меж бровей горькая морщинка. Лишь одним утешался Глеб, что не довелось ему видеть Рукмини мертвой. Запомнилась ему любимая со счастливым лицом и радостными глазами. Часто вставал перед молодым этот образ...

В Исфагани русич нашел своего давнего знакомого, того самого купца, с которым плыли они вместе в Индию. Омар, а так звали купца, был рад новой встрече и радушно принял Глеба, позволив тому пожить в своем доме. Но мрачен и печален был молодец, не похож он стал на самого себя прежнего. Чтобы помочь другу развеяться, купец Омар предложил Глебу как-то сходить в богатый караван-сарай, где по вечерам достойные люди Исфагани собирались, чтобы сыграть в шахматы или в кости.

Русич согласился, ибо еще в пути полюбил игру мудрецов. Поначалу так оно и было: Глеб только в шахматы играл с сдобородыми сановниками. Но все более он совершенствовался в этой игре, и вскоре уже наскучило молодцу неспешно переставлять фигуры. А вот азарт игры в кости как-то сразу увлек Глеба, да и выигрывал он почти всегда – лихая девка-удача была на его стороне.

Пристрастился он к этой порочной забаве, втянулся так, что уж стал похаживать и в другие заведения, где можно было встретить и не столь достойных людей, как любители шахмат. Да и запретного для мусульман вина здесь можно было вкушать.

Качал неодобрительно головой Омар, когда возвращался домой пьяный Глеб, встряхивая отяжелевший кошель, просил друга образумиться и остепениться. Но напрасны были его увещевания. Думал молодец, что ничего худого с ним не случится.

Но как-то довелось Глебу обыграть в пух и прах какого-то заводного старикашку. Тот никак не мог остановиться, все отыграться пытался. Проигравшись же подчистую, старик сделался бледен и вышел вон, горестно покачиваясь.

А когда Глеб, пребывая в хорошем расположении духа и будучи немного навеселе, собрался домой, то подошел к нему мальчик лет семи-восьми в оборванной одежде и, униженно кланяясь, сказал:

– О достойный господин, пощадите нас во имя Аллаха! Вы обыграли сегодня моего дедушку, и теперь мы с ним остались голодными. Будьте милосердны, господин, верните проигранные деньги!

Мальчонка действительно выглядел очень голодным, но подвыпивший Глеб не обратил на это внимания и грубо ему ответил:

– Лучше бы ты честно просил милостыню, а не выдумывал эдакие байки несуразные: кто ж проигранные деньги обратно просит? А ежели и не врешь, то пусть твоему деду впредь наука будет: не садись играть, коли не на что! Так что проваливай, малец!

С этими словами молодец отпихнул с дороги голодного ребенка и зашагал прочь. А несчастный мальчик остался стоять, размазывая по чумазым щекам горькие слезы. Он понял, что нет проку просить справедливости у богатого господина...

В эту ночь, когда плакал и не мог уснуть от голода скорчившийся на жесткой подстилке мальчик, Глеб проснулся от боли в правой руке: пылала она, точно жарким огнем объята, и камень в кольце разгорался опять багровым пламенем. Несколько долгих тягучих мгновений длился этот кошмар, а потом все успокоилось. Молодец отер со лба холодный пот и попытался снова уснуть, да не тут-то было! Так и проворочался он до утра, а понять ничего не смог.

Попутру рассказал он все своему другу Омару, и тот рассудил, что поступил Глеб правильно, а побирушки нищие вконец распоясались, житья благородным людям от них нет. Да

еще просил купец молодца не ходить более по таким низким местам, не позорить своей чести. Выслушав Омара, Глеб успокоился, а вскоре и вовсе забыл о странном случае. Но по притонам игорным шляться не перестал. Только с небогатыми людьми играть уже более не садился.

Через две седмицы приметил Глеб, что друг его пребывает в глубокой скорби. Приступил молодец к купцу с расспросами, и Омар поведал ему причину своего горя:

– Есть у меня старый недруг, Джамшед, порази его шайтан! Так вот он все время пытается перейти мне дорогу в торговых делах. О честности же вовсе не ведает этот мздоимец! И вот недавно ему удалось снова мне напакостить, причем так, что хуже некуда: перехватил этот сын греха у меня заказ самого шаха на индийские шелка. А ведь тому, кто исполнит шахское повеление, и прибыль будет немалая, и почет большой. Вот чую я сердцем, что сплутовал Джамшед, а доказать ничего не могу! Видно, на старости лет прогневил я чем-то создателя, и отвернулся он от меня, лишил своего всеблагоего покровительства!

Глеб посочувствовал горю Омара и спросил:

– А неужто нет способа устранить этакого злодея с твоей дороги? Как-нибудь указать сиятельному шаху, что аспида он пригрел неблагодарного, а верного слугу своего обидел?

От этих Глебовых слов просветлел купец лицом, словно хитрая какая думка у него появилась. Немного помолчав, он обратился к Глебу:

– Друг мой, ты ведь всякие языки разумеешь?

Глеб утвердительно кивнул, и Омар продолжил:

– Так составь грамотку, чтобы всякому, кто ее прочтет, стало ясно: Джамшед с заговорщиками связался и злоумышляет против великого шаха. А потом ты ему под видом торгового гостя иноземного и подсунешь в дом эту грамотку, он-то ведь тебя не знает, вот и не заподозрит ничего. Я же тайное письмо отправлю верховному визирю, дабы учинить обыск в Джамшедовом доме. Так мы с тобой этого сына греха и изведем!

Русич признал, что задумал купец изрядную хитрость, да только сомнение Глеба взяло: не перегибает ли Омар палку? Но тот поспешил уверить друга в том, какой низкий и недостойный человек Джамшед и что задуманное ими как нельзя более правильно. В конце концов Глеб согласился и сел писать нужную грамотку, кою и составил вскорости со всем тщанием. Было это как бы послание к Джамшеду о том, что верные его сподвижники во всем с ним соглашались и ждут только подробного плана дворцовых покоев, чтобы напасть на шаха. Государя же персидского в этом письме называли тираном и поносили всякими словами.

Богато одетый Глеб явился к Джамшеду. В рукаве русича пряталось подложное письмо, да еще дал ему Омар амулет огнепоклонников, чтобы уж наверняка оговорить соперника: ежели в измену не поверят, то уж богоотступничество ему никак не простится.

Затеял молодец с купцом долгий разговор о товарах и ценах, рядился да ладился всяко, а сам тем временем приглядывал местечко подходящее, куда можно улики подсунуть. Наконец он решил, что лучше всего их спрятать в скатанный ковер, стоящий в глубине лавки. И когда Джамшед ненадолго вышел распорядиться, чтобы гостю подали прохладного щербета утолить жажду, Глеб ловко и незаметно проделал задуманное. Потом провел еще некоторое время в лавке и душевно распрощался с хозяином, заверив того в своем глубоком интересе и полнейшем почтении.

Русич так провел беседу с купцом, что ничего не подозревающий Джамшед остался доволен новым знакомством, которое сулило ему в будущем немалую прибыль. А Глеб отправился к своему другу Омару и подробно обсказал ему, как все устроилось.

В тот же день, дабы не терять времени даром, Омар составил на Джамшеда донос и отправил его на имя главного визиря. Через несколько дней во время обыска шахские стражники нашли и письмо и амулет, которые полностью уличали Джамшеда в злонамеренности против сиятельного шаха и исламских устоев. Купца бросили в яму, а через месяц жестоко казнили, отписав все его имущество в шахскую казну.

Омар ликовал, устранив со своей дороги опасного конкурента и получив обратно шахский заказ. К тому же посулили купцу должность постоянного поставщика шахского двора, что удвоило его радость. Находясь в состоянии полного приятства, Омар одарил своего друга и помощника Глеба, когда же тот начал было отнекиваться, то купец и слышать ничего не хотел об отказе.

А сам Глеб в день казни Джамшеда снова испытал приступ пылающей боли от вспыхнувшего багровым огнем камня в перстне. Только теперь боль была гораздо сильнее и длилась не в пример дольше прошлых случаев, да камень пылал как-то особенно яростно. А ночью горькие видения посетили русича во сне.

Привиделась ему любимая плясунья Рукмини, только снилась она Глебу мертвой. Ее окровавленное истерзанное тело в разодранной одежде лежало на земле, а в широко раскрытых неживых глазах отражались холодные злые звезды.

А еще полные слез голодные глаза несчастного мальчика смотрели с перекошенного злобой лица Джамшеда, отрубленная голова которого покоилась в луже крови...

В холодном поту проснулся Глеб и более не заснул. Он мучительно перебирал в памяти все, что успело случиться в его не такой уж и длинной жизни, но никак не мог понять, что он сделал не так, за какие прегрешения господь отнял у него любимую и послал ему этот кошмар.

После этого достопамятного случая веселость нрава покинула русича, стал он печален и задумчив. Лишь за игрой в кости оживлялся Глеб, когда азарт заставлял его забыть обо всем на свете. Игра все еще увлекала молодца, но удача постепенно покидала его. Злосчастный талисман, снятый с отрубленной руки, с самого первого дня медленно, но верно вел его по цепи роковых случайностей к гибели. Жизненный путь Глеба заканчивался.

Через несколько месяцев удача словно решила сделать ему последний подарок: он снова весь вечер выигрывал и на радостях пил кубок за кубком, угощая всех вокруг. В отдалении от игроков сидели два мрачноватых и заросших бородами по самые глаза человека. Они весь вечер следили за Глебом, переглядываясь и перешептываясь друг с другом. Когда же молодец почувствовал, что уже пьян изрядно и, прекратив игру, нетвердой походкой отправился восвояси, эти двое последовали за ним.

В мыслях тати держали порешить молодца и обобрать подчистую. Не был бы Глеб в подпитии, не справится бы им вовек. Но в эту ночь судьба была на стороне грабителей. Обнажив длинные кривые ножи, они накинлись сзади на русича. Он не успел ничего понять, когда одно лезвие вонзилось ему в бок, а другое – под самое сердце. Как подкошенный, рухнул Глеб на землю, а один из убийц перерезал ему для верности горло. Потом грабители споро общались мертвого молодца, собрали все драгоценности и срезали с пояса туго набитый кошель. Не погнушались они и простым серебряным колечком с черным камнем.

Все добришко, с убиенного молодца снятое, запродали они одному смелому купчишке, который не боялся связываться с ворами и убийцами и скупал у них краденое задешево. От этого купчишки и попал через многие руки полный украшений ларец, где непростой перстенок своего часу дожидался, к яицкому торговому гостю. Оный же гость отдал дешевое колечко своему приказчику за усердие. Да видно не от сердца тот подарочек сделан был.

ГЛАВА 6

...Надежды Ефима на атаманову милость оправдались: на дуване Разин прилюдно поблагодарил молодого казака, изрядно денег отмерил и назначил в свою сотню. Видно, высоко ценил спасение своей жизни Степан Тимофеевич.

Обласканный казак за атаманову милость премного благодарен был, а на деньги жалованные учинил казакам, шедшим теперь с ним в одной сотне, изрядную попойку, за что снискал любовь и уважение оных.

И не было теперь у Разина казака более отчаянного и бесшабашного, чем Ефим Парфенов, который брался за любое поручение и, пьянея в битве, рубился, нисколько не сторожась, словно хранила его теперь неведомая сила.

С тех пор, как надел он на руку родительский талисман, удача действительно стала ему сопутствовать, и словно по волшебству на пути неминуемой гибели обязательно подворачивался кто-то другой, а Ефим выходил из любой переделки без единой царапины.

Но, сам того не замечая, он становился слишком жесток: не смущали его убийство и пытки. Самолично порешил Ефим безвинных стрельцов по приказу Разина, когда они ушли прочь, не пожелав остаться в вольном войске; он же и пытал каленым железом боярских людшек, найденных голутвой, которая кричала, что сплели, мол, они заговор с остатными стрельцами и хотят известить батюшку Степана Тимофеевича. И казнить мог, не морщился, срубая голову, лишь поглядывал на камень перстня.

Бойкие на язык казаки дали ему прозвище: Ефим-Кат. Узнав об этом, он только усмехнулся:

– Что ж, я и есть палач для кровопивцев, что долго над бедным человеком измывались, а за ради атамана нашего я любую службу справлю.

...Сидя в Яицком городке, Разин не был отрезан от остального мира: ему удавалось тайно связываться и с Доном, и с Астраханью – везде были у него сторонники. Да и окольными путями, несмотря на то что по государеву приказу поднимали всех воевод и служилых людей против вольного атамана и перекрывали все пути-дороги стрелецкими заставами, умудрялись пробиться к Яику казаки и голутва. Да шли не порожные, а со всей справой казацкой, да с воинским припасом, даже струги по степи волокли. И росло войско Стенькино, а по всей уже Руси гуляла-ширилась молва народная о спасителе и радетеле за бедный люд, удалом атамане Степане Тимофеевиче.

Сам же Разин решил не давать казакам застаиваться на сытом житье в Яицке и по осени учинил набег на улусных людей едисанского мурзы Али, каковой был крепкой надеждой воевод в борьбе с разинцами.

Налетели вихрем казаки на улусных людей, пожгли-разграбили улус, богато взяли пожитков и полонян, да и возвратились почти невредимыми. И опять отличился Ефим Парфенов удалью и удачливостью. По возвращении взял себе лишь малую толику добра на дуване удалец, а остальное поделил меж другими. Удивлялись такому казаки, говорили, что неразумен Ефим, мол, не век воевать, а опосля как, на что жить думает?

Усмехаясь, отвечал он им, что успеет еще, а сейчас молод он и не время ему за собой обоз с добром таскать.

...А в начале весны, когда подходила к концу Разинская зимовка в Яицком городке, осадил крепость воевода Безобразов с войском стрелецким большого числа и с калмыками, пытаясь принудить атамана повиниться и сдаться. Но в ответ Разин повесил посольных и учинил, выйдя из города, лихой бой, в котором бит был воевода и многих людей потерял, а сам бесславно бежал.

Еще не раз приезжали к Стеньке послы, привозили грамоты угрозные и грамоты с прощением, но хитрил атаман, ждал весны, копил силы, собираясь в персидский поход.

ГЛАВА 7

После того как Разин вместе со всем своим войском вышел в конце весны из Яицкого городка, вся его немалая ватага словно в воду канула. А в середине лета внезапно налетели казацкие струги с моря на владения персов меж Шемахой и Дербентом. И так грозно было и удачливо войско вольного атамана, что с плачем взывали правоверные к аллаху, моля избавить от страшной неожиданной напасти.

Вместе с присоединившимся к нему отрядом пробившегося с Дона Сережки Кривого Стенька разорял деревни и брал ясырем и мужчин и женщин, меняя потом пленников на православный люд, томящийся в персидском полоне.

Велико же было удивление Ефима, когда в одном из освобожденных полонян узнал он Григория, бывшего нареченного своей сестры, которого уж давно даже мать родная поминала в зауспокойной молитве. Поседел казак, покрыт был шрамами, тяжело ему приходилось в неволе: выглядел он в свои тридцать с небольшим как старик. Но Ефим надеялся, что не все еще для старого друга потеряно и погуляют они с ним славно под предводительством удалого атамана.

После того как Григорий пришел в себя, был отмыт, переодет и накормлен, сидя у костра за чаркой вина, поведал он Ефиму про свою судьбинушку.

... Изрубили его в тот памятный день басурманы знатно, но живуч был казак и, видя такую беспримерную храбрость и стойкость, персы не стали добивать Григория и за борт не бросили, а увезли с собой, подлечили и продали как сильного и крепкого раба шемаханскому купцу. Но строптивый невольник не устроил торговца, и казака снова продали ... Сменив пятого хозяина, Григорий поумнел: прикинувшись послушным, стал он с другими пленниками готовить побег. И все бы удалось, не окажись среди них предатель, и попал казак гребцом на галеру. Не чаял он там живу быть: адом казалась ему галера. Да видно не судьба ему была помереть – напали на их корабль пираты гишпанские, и снова был продан Григорий с невольничьего рынка... Помотало его изрядно, а в последний перед внезапным освобождением год попал он в эту деревню. Разинцы захватили сына хозяина Григория, и потому хозяин с радостью обменял невольника на своего наследника...

Помолчав немного и выпив чарку, Григорий задал другу вопрос:

– Ефимушка, а что сестра твоя, Дарьюшка?

Ефим отвел глаза.

– Да не молчи ты, сказывай! Неушто?.. – и Григорий вперился в лицо Ефима ждущими испуганными глазами.

Тяжело вздохнув, тот поведал, что жива Дарья, да не поминает более когда-то милого казака. Давно уж замужем за сотником и сыны возрастают.

Эта новость поразила Гришу, как гром среди ясного неба. Сначала он просто смотрел на огонь невидящими остановившимися глазами, а потом потребовал от друга обстоятельного рассказа. Тот сперва отнекивался, не желая своими речами бередить свежую душевную рану Григория, но в конце концов сдался и поведал все о страшных событиях, последовавших за тем неудачным походом, который надолго увел Гришу от родного Царицына.

Ефим увлекся, и речь его, когда дело касалось сотника и сестры, становилась гневной и яростной. Он давно был зол на них обоих, а теперь еще и Григорий жив, и поведать все другу ему пришлось самолично.

Все эти события еще больше сблизили земляков из Царицына, и во многих последующих битвах сражались они бок о бок. Тем более что Разинскому войску сопутствовала удача: росло оно, пополняясь освобожденными пленниками, и добыча каждого казака была весьма велика.

Предусмотрительный Разин обходил крупные города стороной, справедливо полагая, что еще нет в его рядах полной силы и справного вооружения, чтобы справиться с регулярными

войсками большой численности. Но возле роскошного, как восточная красавица, Решта, который с виду казался совершенно беззащитным, атаман допустил первую серьезную промашку. Открыто, не таясь, шли казаки, и жестоко остановили их рештские пушки и шахово войско, скрытое до поры в садах.

Но не был бы Стенька собой, ежели не придумал бы скорее хитрость: он поклонился правителю Будар-хану с просьбой принять под благодатную шахскую руку казаков, что бежали от московского притеснения. Соловьем разливался хитрый атаман, спасая своих казаков от напрасной гибели, просил позволения отправить послов шаху. И всего, что хотел, сумел добиться Разин от Будар-хана, который имел в этом деле свой интерес.

На восходе следующего дня ускакал Стенькин есаул с двумя казаками, получив от атамана прилюдное напутствие: бить, де, челом шаху, да просить землицы у него для вечного поселения.

Да только Разинское посольство имело двойное дно: следом за есаулом тайно ехали Ефим и Григорий, которые имели атаманский тайный наказ держать глаза и уши открытыми, да на ус мотать, каковы укрепления у персидских городов, да сколько в них войска. Должны были казаки вызнать все, что можно, а потом доставить те сведения атаману.

Ефима Разин избрал за верность и удачливость, а Григорий был за толмача, потому как в полоне язык поневоле выучил и изъяснялся на фарси, как на родном.

ГЛАВА 8

...Долог путь до Исфагани, столицы персидского шаха Аббаса II, но под охраной персов легко добралась туда Разинская станица. Да и у Ефима с Григорием великих трудностей в дороге не приключилось: выручало их знание бывшим рабом языка и обычаев да умение пускать в ход саблю.

Поначалу Ефиму дивно все казалось: и речи странные, непонятные, и мраморные дворцы, утопающие в зелени садов, и кривые глухие улочки, на которые не выходило ни одного окна, и инакие одежды персиян, особенно закутанные до глаз женщины. Более всего поразили его верблюды: казак даже перекрестился с испугу! Потом пообвыкся, притерпелся, стал учиться у Григория языку, который давался Ефиму весьма легко. Вскоре он уже сам вполне мог объясниться с хозяином караван-сарая.

Денег у друзей было достаточно: атаман позаботился об этом заранее; и они беспрепятственно бродили по любому городу, а после того как удумал Ефим переодеться в персидское платье, и вовсе просто стало. Прожаренные до черноты солнцем, казаки вполне сходили за персов, в коих и так кровей было намешено со всего света: правоверные не считали грехом жениться на чужеземках. Да и от наложниц детей всегда признавали. Так что два лазутчика спокойно ходили, обрядившись купцами, везде, где им вздумается.

Лишь раз один пришлось им пускать в ход сабли, когда на подходах к Исфагани прибились они к каравану, порешив, что так спокойнее ехать. Тут-то и подстерегло казаков испытание: караван решили пограбить разбойники. Не занимать было им храбрости, двоих уложили Ефим и Григорий меткими выстрелами из пистолета, а потом выхватили сабли и, подражая крикам самих персов, налетели на татей, как две черных молнии. Не долгой была сабельная потеха, пришлось разбойникам уносить ноги, а караван-баши долго благодарил Аллаха, что послал ему таких спутников, кои «воистину великие витязи, подобные ангелам смерти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.